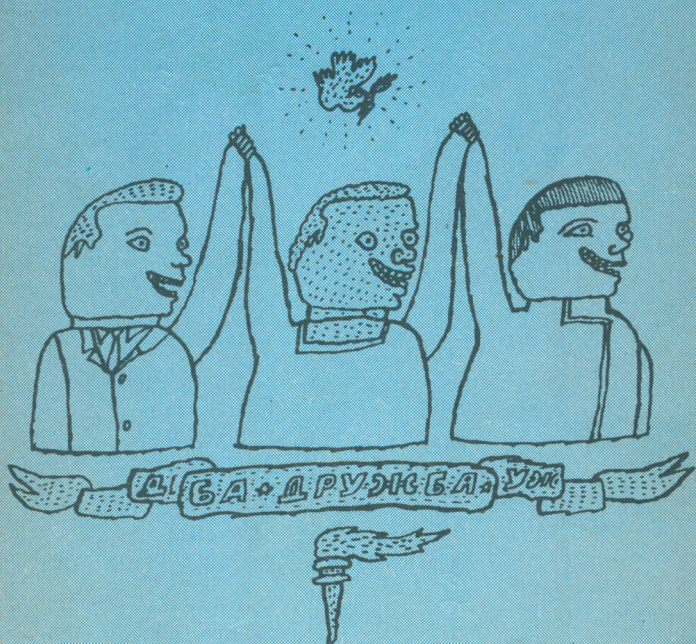

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ

Три Петра и Два Ивана

Библиотека "Magazine"

Шарж Г. Попова

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ

**Три Петра
и
Два Ивана**

Москва
1995

Рисунки
Андрея Бильжо

Иртеньев И.М.

Три Петра и два Ивана: стихи.

Москва РИА "Магазин" 1995 г., 48 стр.

В новую книжку Игоря Иртеньева вошли стихи, написанные за последние годы и не включавшиеся в предыдущие сборники.

Автор благодарит фирму "Stentor" за помощь в издании книги.

© И.Иртеньев, 1995.

© А.Бильжо, 1995.

СТАРИННАЯ КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Как в Ростове-на-Дону,
На Дону в Ростове
Встретил бабу я одну
С шашкой наготове.

Ой ты, конь мой вороной,
Звонкая подкова,
Уноси меня, родной,
Срочно из Ростова.

Ждут с тобой в родном дому
Жены нас да дети,
А в Ростове-на-Дону
Только шашки светят.

* * *

Василию Белову
(другому)

Нам тайный умысел неведом
Того, в чьих пальцах жизни нить.
Однажды мы пошли с соседом
На хутор бабочек ловить.

Среди занятий мне знакомых,
А им давно потерян счет,
Пожалуй, ловля насекомых
Сильней других меня влечет.

Итак, мы вышли спозаранок,
Чтоб избежать ненужных встреч
И шаловливых хуторянок
Нескромных взоров не привлечь.

Ступая плавно друг за другом,
Держа сачки наперевес,
Мы шли цветущим майским лугом
Под голубым шатром небес.

“Была весна” (конец цитаты).
Ручей поблизости звенел,
На ветках пели демократы,
Повсюду Травкин зеленел.

Вдруг из кустов раздался выстрел,
И мой сосед, взмахнув сачком,
Вначале резко ход убыстрил,
Но вслед затем упал ничком.

Как написала бы про это
Газета “Красная звезда”:
“Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.”

Пробила вражеская пуля
Навылет сердце в трех местах.
Но кто же, кто же, карауля
Соседа, прятался в кустах?

Кто смерти был его причиной?
Чей палец потянул курок?
Под чьей, товарищи, личиной
Скрывался беспощадный рок?

Где тот неведомый компьютер,
Чьей воле слепо подчинясь,
Пошли с соседом мы на хутор
В тот страшный день и страшный час?

Смешны подобные вопросы,
Когда сокрытыя в тени,
Вращая тайные колесы,
Шуршат зловещия ремни.

И мы - что бабочки, что мушки,
Что человеки, что грибы -
Всего лишь жалкие игрушки
В руках безжалостной судьбы.

**ДВЕ ПЕСНИ ИЗ СПЕКТАКЛЯ
“СОЛО ДЛЯ КРОВАТИ СО СКРИПОМ”**

ДЕВИЧЬЯ

Отпусти меня, тятя, на волю,
Не держи ты меня под замком.
По весеннему минному полю
Хорошо побродить босиком.

Ветерок обдувает мне плечи,
Тихо дремлет загадочный лес.
Чу, взорвалась АЭС недалече.
Не беда, проживем без АЭС.

Гулко ухает выпь из болота,
За оврагом строчит пулемет,
Кто-то режет в потемках кого-то,
Всей округе уснуть не дает.

Страшно девице в поле гуляти,
Вся дрожу, ни жива, ни мертва,
Привяжи меня, тятя, к кровати
Да потуже стяни рукава.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Месяц светит, но не греет,
Только зря висит, сачок.
Засыпай, дружок, скорее,
Засыпай, мой дурачок.

Прислонившись носом к стенке,
В темноте едва видны,
Спят брюнеты и шатенки,
Спят евреи и слоны.

Свет на землю серебристый
Тихо льется с высоты,
Спят дантисты и артисты,
Рекетиры и менты.

Сквозь волнистые туманы
Продирается луна,
Спят бомжи и наркоманы,
Лишь путанам не до сна.

Спят забывшись сном усталым,
Сладко чмокая во сне,
Спят под общим одеялом,
Спят на общей простыне.

Все заснуло в этом мире -
Тишь, покой да благодать,
Лишь скрипит в ночном эфире
Наша общая кровать.

Спи, мой милый, спи, хороший,
А не то с кровати сброшу,
Баю-баюшки-баю,
Спи спокойно, мать твою.

★ ★ ★

Некомпетентность правит бал,
Упала вниз боеготовность,
Цинизм вконец заколебал,
Заколебала бездуховность.

Споили начисто народ,
Идею свергли свергли с пьедестала,
Вдов стало меньше, чем сирот,
Сирот практически не стало.

Наука полностью в огне,
Искусство там же, но по пояс.
Никто не моется в стране,
Лишь я один зачем-то моюсь.

* * *

Кому-то эта фраза
Покажется пошла,
Но молодость, как фаза
Развития прошла.

Беспечные подруги
Давно минувших дней
Уже не столь упруги,
Чтоб не сказать сильней

А те, что им на смену
Успели подрасти,
Такую ломают цену,
Что господа прости.

* * *

В одном практически шнурке
Да с носовым платком
Из дома выйду налегке
Я, замыслом влеком.

Ступая с пятки на носок,
Пойду за шагом шаг,
Мину лужок, сверну в лесок,
Пересеку овраг.

И где-то через две строки,
А может, и одну,
На берег выберусь реки,
В которой утону.

Меня накроет мутный ил
В зеленой глубине,
И та, которую любил,
Не вспомнит обо мне.

Какой кошмар - пойти ко дну
В расцвете зрелых лет!
Нет, я обратно разверну
Свой гибельный сюжет.

Мне эти берег и река
Нужны как греке рак.
Неси меня, моя строка,
Назад через овраг.

Преодолей в один прыжок
Бездарный тот кусок,
Где прежде, чем свернуть в
лесок,
Я миновал лужок.

Верни меня в родимый дом,
Откуда налегке
Ущербным замыслом ведом
Поперся я к реке.

Взамен того, чтоб в холодке,
Колеблем сквозняком,
Висеть спокойно на шнурке,
Прикрыв лицо платком.

* * *

Трудно тем на свете очень,
У кого сосед маньяк,
Всю дорогу озабочен -
Где, когда, кого и как.

Тем живется много проще,
У кого сосед енот,
И мозги он прополощет,
И рубашку простирнет.

У кого сосед японец,
Тем легко на свете жить,
Можно запросто червонец
У японца одолжить.

У кого сосед Каспаров,
Тем не жизнь, а благодать,
Ведь с Каспаровым на пару
Можно партию сгонять.

Лучше всех тому живется,
У кого майор сосед,
Если вдруг война начнется,
Всех убьет, майора - нет.

* * *

С улыбкой мимолетной на устах,
В поток различных мыслей погруженный
Брожу порой в общественных местах,
Толпой сограждан плотно окруженный.

Как мне они физически близки,
Те, за кого пред небом я в ответе -
Солдаты, полотеры, рыбаки,
Саксофонисты, женщины и дети.

Предмет их лихорадочных надежд,
Весь замираю от стыда и муки,
Когда моих касаются одежд
Их грязные доверчивые руки.

Чем я могу помочь несчастным им,
Чего им ждать от нищего поэта,
Когда он сам отвержен и гоним,
Как поздний посетитель из буфета.

★ ★ ★

Просыпаюсь с бодуна,
Денег нету ни хрена.
Отвалилась печень,
Пересохло в горле,
Похмелиться нечем,
Документы сперли,
Глаз заплыл,
Пиджак в пыли,
Под кроватью брюки.
До чего ж нас довели
Коммунисты-суки!

* * *

Жизнь проходит как-то глупо,
Тусклы стали будни,
Съешь в обед тарелку супа
Да тарелку студня.

Ну еще стакан компота,
Два уже накладно.
Нет, неладно в жизни что-то,
Что-то в ней неладно.

* * *

Бывало выйдешь из трамвая,
Бурлит вокруг тебя Москва,
Гремит музыка половая,
Живые скачут существа.

Цыганы шумною толпою
Толкают тушь по семь рублей,
Еврей пугливый к водопою
Спешит с еврейкою своей.

Дитя в песочнице с лопаткой
На слабых короточках сидит,
А сверху боженька украдкой
За всеми в дырочку следит
Озонную.

* * *

А.Б.

Ах, что за женщина жила
У Курского вокзала,
Она и ела, и пила,
И на трубе играла.

Ходила голая зимой,
Любила Вальтер Скотта
И открывала головой
Никитские ворота.

Паря меж небом и тюрьмой,
Она в любом контексте
Всегда была собой самой,
Всегда была на месте.

Мы с нею не были близки
И рядом не летали,
Она разбилась на куски
И прочие детали.

А я, я что, я вдаль побрел,
Ушибленный виною,
Ее тифозный ореол
Оставив за спиною.

★ ★ ★

Не могу не вспомнить факта,
Происшедшего со мной,
На коне я ехал как-то
В день весенний выходной.

Ехал, значит, на коне я,
Ехал, стало быть, на нем,
У него я на спине я
Ехал я весенним днем.

Так и ехали мы двое,
По дороге семена -
На спине я у него я,
Между ног он у меня.

Были мы душой одною,
Были телом мы одним,
То ли он ли подо мною.
То ли я ли по-над ним.

* * *

Оставил мясо я на кухне,
А сам пошел в консерваторию,
Оно возьми да и протухни,
Такая вышла с ним история.

Но над утратой я не плачу
И на судьбу роптать не смею,
Ведь стал духовно я богаче,
Хотя физически беднее.

* * *

Дружно катятся года
С песнями под горку,
Жизнь проходит, господа,
Как это ни горько.

Елки-палки, лес густой,
Трюфели-опята,
Был я раньше мен крутой,
Вышел весь куда-то.

Ноу смокинг, ноу фрак,
Даже хау ноу,
У меня один пиджак
Да и тот хреновый.

Нету денег, нету баб,
Кончилась халява,
То канава, то ухаб,
То опять канава.

Пыльной грудюю в углу
Свалена посуда,
Ходит муха по столу,
Топает, паскуда.

На гвозде висит Ватто,
Подлинник к тому же,
На Ватто висит пальто,
Рукава наружу.

У дороги две ветлы,
Вдоль дороги просо,
Девки спрыгнули с иглы,
Сели на колеса.

Не ходите, девки, в лес
По ночам без мамки,
Наберете лишний вес,
Попадете в дамки.

Не ходите с козырей,
Не ходите в баню,
Ты еврей и я еврей,
Оба мы цыгане.

БАЛЛАДА О ГОРДОМ РЫЦАРЕ

За высоким за забором
Гордый рыцарь в замке жил,
Он на все вокруг с прибором
Без разбора положил.

Не кормил казну налогом,
На турнирах не блистал
И однажды перед Богом
Раньше времени предстал.

И промолвил Вседержитель,
Смерив взглядом гордеца:
- С чем явился ты в обитель
Вездесущего отца?

Есть каналы, по которым
До меня дошел сигнал,
Что ты клал на все с прибором.
Отвечает рыцарь: клал!

Клал на ханжеский декорум,
На ублюдочную власть
И ad finem seculorum*
Собираюсь дальше класть.

* До скончания веков. (лат)

Сохранить рассудок можно
В этой жизни только так,
Бренна плоть, искусство ложно,
Страсть продажна, мир - бардак.

Не привыкший к долгим спорам,
Бог вздохнул: ну что ж, иди,
Хочешь класть на все с прибором,
Что поделаешь, клади.

Отпускаю, дерзкий сыне,
Я тебе гордыни грех,
С чистой совестью отныне
Можешь класть на все и всех.

И на сем визит свой к Богу
Гордый рыцарь завершил
И в обратную дорогу,
Помолившись, поспешил.

И в земной своей юдоли
До седых дожив годов,
Исполнял он Божью волю,
Не жалеючи трудов.

* * *

Как хорошо, что мы успели,
А ведь могли бы опоздать,
Как хорошо, что все не съели,
И даже было что поддать.

И что положено вручили,
И был к столу допущен всяк.
Как хорошо, что проскочили,
Могли б и мордой об косяк.

* * *

Провел я молодые годы
На лоне девственной природы,
Природы девственной на лоне,
Режима строгого на зоне.

На зоне строгого режима,
На фоне полного зажима
Считал закаты и восходы
В местах лишения свободы.

И все моральные уроды,
И все духовные кастраты
Со мной считали те восходы,
Со мной считали те закаты.

И покидая мир греховный,
Перемещался в мир астральный
То вдруг один кастрат духовный,
То вдруг другой урод моральный.

СКОРОГОВОРКА

Три Петра и два Ивана,
Два Ивана, три Петра
Просыпались утром рано
И херачили с утра.

И завидовал им пьяным,
Двум Иванам, трем Петрам,
Трем Петрам и двум Иванам
Черной завистью Абрам.

ТИК-ТАК

На столе часы стоят,
Но на первый только взгляд.
На второй они идут,
Отмеряя ход минут.

Отмеряя ход минут,
По столу часы идут,
Вот до краешка дойдут
И оттуда упадут.

На пол часики упали
И лежат. На третий взгляд.
А на первый, как вначале
Было сказано, стоят.

Это что ж это такое?
И на что ж это похоже?
Ведь лежать не можно стоя
И стоять не можно лежа.

Можно ж нервный тик
Заработать так.
Тик-
Так.

* * *

Ничего мне так не надо,
Ничего мне так не нужно,
Как гулять с тобой по саду
Органично, ненатурно.

Как забывши, час который
И какое время года,
Наслаждаться дивной флорой,
Достиженьем садовода.

Как, обняв тебя рукою,
Чувств отдаться Ниагаре,
Как упасть с тобой в левкои
В ботаническом угаре.

И волос твоих коснуться,
И, как контур, возбудиться,
И забыться, и уснутья,
И вовек не разбудиться.

* * *

Она лежала на кровати,
Губу от страсти закусив,
А я стоял над ней в халате,
Ошеломительно красив.

Она мою пыталась шею
Руками жадными обнять,
Ей так хотелось быть моею,
И здесь я мог ее понять.

* * *

Я раньше был подвижный хлопчик,
Хватал девчонок за трусы,
Но простудил однажды копчик
В интимной близости часы.

Недвижность мною овладела
Заместо прежнего огня,
Ах, девы, девы, где вы, где вы,
Почто покинули меня?

Весь горизонт в свинцовых тучах,
Где стол был яств, стоит горшок,
Умчался фрикции рой летучих,
Веселый петинг-петушок,

Откукарекавшись навеки,
Вот-вот начнет околевать,
Подайте, граждане, калеке,
Подайте женщину в кровать.

* * *

Я обычно как напьюсь,
Головой о стенку бьюсь.
То ли вредно мне спиртное,
То ли просто возрастное.

* * *

С другом мы пошли к путанам,
Там сказали: — от винта! — нам.
- За бумажные рубли
Вы бы жен своих могли.

* * *

Меня спросили на иврите:
- Вы на иврите говорите?
А я в ответ на чистом идиш:
- Ты че, в натуре, сам не видишь?!

* * *

- И неимущим, и богатым
Мы в равной степени нужны, -
Сказал патологоанатом
И вытер скальпель о штаны.

* * *

Твои глаза синее озера,
А может быть, еще синей,
Люблю тебя сильнее бульдозера,
А может быть, еще сильнее.

К NN

И за что такую тлю
Я, козел, тебя люблю?

* * *

Не нам бродить по тем лугам,
Не нам ступать на те отроги,
Где зреет дикий чуингам,
Пасутся вольные хот-доги.

Не с нашей трудною судьбой,
Во власть отдавшись томной неге,
Небрежно закурить плейбой,
Лениво отхлебнув карнеги.

Не наши стройные тела
Гавайским обдувать пассатам,
Не нас природа родила
Под небом звездно-полосатым.

А в том краю, где нас на свет
Произвела она когда-то,
Почти и разницы-то нет
В словах “зарплата” и “заплата”.

ПРОГУЛКА НА ДВА ОБОРОТА

*"Я не был никогда в Австралии,
Где молоко дают бесплатно,
Где может быть, одни аграрии
Да яблоки в родимых пятнах."*

Ю.Арабов "Прогулка наоборот"

Я не был никогда в Монголии,
Где от кумыса нету спасу,
Где круглый год цветут магнолии,
Согласно сообщеньям ТАССа.

Там что ни житель - то монгол,
А что ни лошадь - то Пржевальского,
Там все играют в халхинбол,
Но из ключа не пьют кастальского.

Я не был никогда в Венеции -
Шамбале кинематографии,
Где драматургов нету секции,
Что в переводе значит - мафии.

Там время сжато, как пропан,
И вечность кажется минутою,
Там чуть не помер Томас Манн,
А может, Генрих - я их путаю.

Я не бывал в стране Муравии,
Где ям не меньше, чем ухабов,
Я также не бывал в Аравии,
Ну что ж, тем хуже для арабов.

Но я бывал в Голопобоево,
Чьи жители клянут Арабова,
Раскаты дикой лиры коего,
Лишает их рассудка слабого.

Там низок уровень культуры
И редко слышен детский смех.
Ты лучше их не трогай, Юра,
Убогих, Юра, трогать грех.

Я шел к Смоленской по Арбату,
По стороне его по правой,
И вдруг увидел там Булата,
Он оказался Окуджавой.

Хотя он выглядел нестаро,
Была в глазах его усталость,
Была в руках его гитара,
Что мне излишним показалось.

Акын арбатского асфальта
Шел в направлении заката...
На мостовой крутили сальто
Два полуголых акробата.

Долговолосые пииты
Слагали платные сонеты,
В одеждах диких кришнаиты
Конец предсказывали света.

И женщины, чей род занятий
Не оставлял сомнений тени,
Раскрыв бесстыжие объятия,
Сулили гражданам забвенья.

- Ужель о том звенели струны
Моей подруги либеральной?! -
Воскликнул скальд, мечта перуны
В картины адрес аморальной.

Был смех толпы ему ответом,
Ему, обласканному небом...
Я был, товарищи, при этом,
Но лучше б я при этом не был.

Весь объят тоской вселенской
И покорностью судьбе,
Возле площади Смоленской
Я в троллейбус сяду "Б".

Слезы горькие, не лейтесь,
Сердце бедное, молчи,
Ты умчи меня, троллейбус,
В даль туманную умчи.

Чтобы плыл я невесомо
Мимо всех, кого любил,
Мимо тещинога дома,
Мимо дедовских могил.

Мимо сада-огорода,
Мимо Яузских ворот,
Выше статуи Свободы,
Выше северных широт.

Выше площади Манежной,
Выше древнего Кремля,
Чтоб исчезла в дымке нежной
Эта грешная земля.

Чтоб войти в чертог твой, Боже,
Сбросив груз мирских оков,
И не видеть больше рожи
Этих блядских мудаков.

МОЙ ОТВЕТ АЛЬБИОНУ

Еще в туманном Альбионе
Заря кровавая встает,
А уж в Гагаринском районе
Рабочий день копытом бьет.

Встают дворцы, дымят заводы,
Владыка мира правит — труд,
И окружающей природы
Ряды радетелей растут.

Мне все знакомо здесь до боли,
И я знаком до боли всем,
Здесь я учился в средней школе,
К вопросам - глух, в ответах - нем.

Здесь колыбель мою качали,
Когда исторг меня роддом,
И где-то здесь меня зачали,
Что вспоминается с трудом.

Здесь в комсомол вступил когда-то,
Хоть ныне всяк его клеймит,
Отсюда уходил в солдаты,
Повесток вычерпав лимит.

Прошел с боями Подмосковье,
Где пахнет мятою травой,
Я мял ее своей любовью
В период страсти роковой.

Сюда с победою вернулся,
Поскольку не был победим,
И с головою окунулся
В то, чем живем и что едим.

Я этим всем, как бинт пропитан,
Здесь все - на чем еще держусь,
Я здесь прописан и прочитан,
Я здесь затвержен наизусть.

И пусть в кровавом Альбионе
Встает туманная заря,
В родном Гагаринском районе
Мне это все - до фонаря!

ПРОЩАНИЕ МАТРОСА С ЖЕНОЙ

Уходит в плаванье матрос,
На берегу жена рыдает.
Его удача ожидает,
Ее судьба - сплошной вопрос.

На нем широкие штаны.
Он в них прошел огонь и воду,
Но моде не принес в угоду
Их непреклонной ширины.

На ней забот домашних груз,
Ночей бессонных отпечаток,
Да пара вытертых перчаток,
Да полкило грошовых бус.

Мгновений бег неумолим.
В преддверьи горестной разлуки
Она заламывает руки,
Расстаться не желая с ним.

Со лба откинув прядь волос,
В глаза его глядит с мольбою.
Перекрывая шум прибоя,
Целует женщину матрос.

И утерев бушлатом рот,
Он говорит, прощаясь с нею,
Что море вдаль его зовет,
Причем чем дальше, тем сильнее.

Матрос уходит в океан.
Его шаги звучат все глуше,
А женщина стоит на суше,
Как недописанный роман.

Мне эту сцену не забыть -
Она всегда передо мною.
Я не хочу матросом быть
И не могу - его женою.

* * *

А. Еременко

На Павелецкой-радиальной
Средь ионических колонн
Стоял мужчина идеальный
И пил тройной одеколон.

Он был заниженного роста,
С лицом, похожим на кремень.
Одет решительно и просто -
Трусы,
Галоши
И ремень.

В нем все значение имело,
Допрежь неведомое мне,
А где-то музыка гремела
И дети падали во сне.

А он стоял
Мужского рода
В своем единственном числе,
И непредвзятая свобода
Горела на его челе.

* * *

Сгущалась тьма над пунктом населенным,
В ночном саду коррупция цвела,
Я ждал тебя, как свойственно влюбленным,
А ты, ты, соответственно, не шла.

Я жаждал твоего коснуться тела,
Любовный жар сжигал меня дотла,
А ты придти ко мне не захотела,
А ты, смотрите выше, все не шла.

Полночный сад был залит лунным светом,
Его залил собою лунный свет.
Сказать такое - нужно быть поэтом,
Так написать способен лишь поэт.

Поэт он кратким должен быть и точным,
Иначе не поэт он, а фуфло.
Короче, я сидел в саду полночном,
А ты, как чмо последнее, не шло.

★ ★ ★

Только сел - звонят. Давай скорее.
Тут у нас такое - обалдеешь.
Я такси хватаю. Мчимся пулей.
По дороге мужика сбиваем.

Приезжаем. Вроде все нормально.
Ну не то, чтоб прямо все в ажуре,
Но, по крайней мере, чисто внешне,
Чисто визуально, как обычно.

Я, как идиот, обратно еду.
По дороге в самосвал въезжаем.
Хорошо еще таксист был пьяный.
А иначе б - страшно и подумать.

Слава богу, жив еще остался,
Но пока мотался по больницам,
Дочка замуж вышла. За румына.
Только нам румынов не хватало.

* * *

Я вчера за три отгула
Головой упал со стула.
Поначалу-то сперва
Подписался я за два,
Но взглянув на эти рожи,
Нет, решил, так не пойдет,
И слупил с них подороже,
Я ж не полный идиот.

Ночь темна, как камера обскура,
Дремлет населения душа
У высоких берегов Амура
И на диком бреге Иртыша.

Наготу слегка прикрыв рукою,
Спишь и ты, откинув простыню...
Что бы мне приснить тебе такое?
Хочешь, я себя тебе присню?

Знай, что я не снюсь, кому попало,
Редким выпадала эта честь.
Денег я беру за это мало -
У меня и так их много есть.

Я в любом могу присниться в виде,
Скажем, в виде снега и дождя
Или на коне горячем сидя,
Эскадрон летучий в бой ведя.

Хочешь - стану юношей прекрасным,
Хочешь - благородным стариком,
Хочешь - сыром обернусь колбасным,
А не хочешь - плавленым сырком.

Иль, принявши образ чайной розы,
У Хафиза взятый на прокат,
Я вплыву в твои ночные грезы,
Источая дивный аромат.

Я войду в твой сон морским прибором,
Шаловливым солнечным лучом...
Спи зубами, милая, к обоям
И не беспокойся ни о чем.

Не доливайте водку в пиво,
Во-первых, это некрасиво.
А во-вторых, снижает слог,
А в-третьих, просто валит с ног.

Не прочищайте пальцем носа,
На это в свете смотрят косо.
Как светских тонкостей знаток,
Рекомендую всем платок.

Не зажимайте дам в парадном,
При здешнем климате прохладном
Столь безыскусный стиль сулит
Партнерам лишь радикулит.

Не гладьте брюки на ночь глядя,
Поскольку брюки на ночь глядя,
Придется снять их все равно,
Чтобы не выглядеть смешно.

Не доверяйте акушерам,
Они завидуют в душе вам.
Когда ж придет пора рожать,
Услуг их следует бежать.

Не ешьте курицу с соседом,
По понедельникам и средам.
А, впрочем, и в другие дни
Старайтесь есть ее одни.

Не все, прочитанное вами,
Возможно выразить словами,
Но тайный смысл заветных строк
И вам откроется в свой срок.

* * *

Уронил я в унитаз
Как-то тут намедни
Свой любимый карий глаз.
Правый. Предпоследний.

Глянул он прощальным взором,
Голубиным оком
Прямо в душу мне с укором,
Уносясь потоком.

И с тех пор все снится мне
Ночью в тишине,
Как он там ресницами
Шевелит на дне.

* * *

Будь я малость помоложе,
Я б с душою дорогой
Человекам трем по роже
Дал как минимум ногой.

Да как как минимум пяти бы
Дал по роже бы рукой.
Так скажите мне спасибо
Что я старенький такой.

СОДЕРЖАНИЕ:

Старинная казачья песня	3
“Нам тайный умысел неведом...”	4
Две песни из спектакля “Соло для кровати со скрипом”:	
1. Девичья	6
2. Колыбельная	7
“Некомпетентность правит бал...”	8
“Кому-то эта фраза...”	9
“В одном практически шнурке...”	10
“Трудно тем на свете очень...”	12
“С улыбкой мимолетной на устах...”	13
“Просыпаюсь с бодуна...”	14
“Жизнь проходит как-то глупо...”	15
“Бывало выйдешь из трамвая...”	16
“Ах, что за женщина жила...”	17
“Не могу не вспомнить факта...”	18
“Оставил мясо я на кухне...”	19
“Дружно катятся года...”	20
Баллада о гордом рыцаре	22
“Как хорошо, что мы успели...”	24
“Провел я молодые годы...”	25
Скороговорка	26
Тик-так	27
“Ничего мне так не надо...”	28
“Она лежала на кровати...”	29
“Я раньше был подвижный хлопчик...”	30
“Я обычно как напыюсь...”	31
“С другом мы пошли к путанам...”	31
“Меня спросили на иврите...”	31
“И неимущим, и богатым...”	31
“Твои глаза синее озера...”	31
К NN	31
“Не нам бродить по тем лугам...”	32
Прогулка на два оборота	33
“Я шел к Смоленской по Арбату...”	34
Весь объят тоской вселенской	35
Мой ответ Альбиону	36
Прощание матроса с женой	38
“На Павелецкой-радиальной...”	40
“Сгущалась тьма над пунктом населенным...”	41
“Только сел - звонят...”	42
“Я вчера за три отгула...”	43
“Ночь темна, как камера обскура...”	44
“Не доливайте водку в пиво...”	45
“Уронил я в унитаз...”	46
“Будь я малость помоложе...”	47

Иртеньев Игорь Моисеевич
Три Петра и Два Ивана

Компьютерная верстка В.Михайлов

Формат 60x90 1/16. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. 3 печ.л.

Тираж 15000 экз. Цена договорная. Заказ № 1227

Отпечатано в ИПК «Московская правда»

г. Москва, ул.1905 г., дом 7.

